

Селезнёв Ф.А., к.и.н.,
ННГУ имени Н.И. Лобачевского

**Конституционно-демократическая партия
и французское экономическое присутствие в России
(1905 – 1914 гг.)**

Изучение французского экономического присутствия в России составляло одно из важных направлений научных интересов В.И. Бовыкина¹. Благодаря его усилиям основные аспекты русско-французских финансовых и хозяйственных связей в конце XIX – начале XX вв. можно считать изученными. Следует, однако, заметить, что экономические отношения между двумя странами в тот период имели важную политическую составляющую, которая ещё исследована явно недостаточно. Это касается и политического контекста проблемы займов и инвестиций и реакции на сотрудничество двух стран среди различных политических сил в России и во Франции.

Ниже мы рассмотрим отношение к французскому экономическому присутствию одной из самых влиятельных политических партий России начала XX века – Конституционно-демократической партии (партии Народной Свободы). Прежде, однако, необходимо дать общую характеристику хозяйственных связей между Россией и Францией. Как отмечал В.И. Бовыкин, основными статьями французского ввоза в Россию в конце XIX века, как и прежде, были шерсть, вина и предметы роскоши². В свою очередь из Российской империи во Францию поступали преимущественно пшеница, лес и лён. Товарообмен между двумя странами был относительно невелик и не имел тенденции к повышению. Доля Франции в русском импорте составляла 4,5 % в 1899 – 1903 гг. и 4,1 % в 1913 году³. Однако это государство занимало первое место по инвестициям в промышленность Российской империи.

Начиная со второй половины 70-х гг. XIX в., а особенно после 1887 г. во Франции учреждается большое число акционерных обществ, специально предназначенных для создания и эксплуатации угледобывающих, металлургических и машиностроительных предприятий в России. Кроме того, на французском рынке размещаются акции и облигации российских компаний,

связанных с тяжёлой промышленностью и железными дорогами. Этот золотой дождь инвестиций обеспечивали два мощных кредитных учреждения: Генеральное общество для поощрения развития торговли и промышленности во Франции («Генеральное общество») и Парижско-Нидерландский банк.

Ещё раз отметим, что их русские вложения направлялись исключительно в угледобычу, металлургию, машиностроение и железнодорожное строительство, хотя все эти отрасли, за исключением последней, были весьма рискованные для инвестирования. Суровым напоминанием об этом стала судьба целого ряда крупнейших французских банков («Парижская учётная контора», «Креди мобилъе», «Лионский кредит», «Промышленный и торговый кредит»). Финансирование французской тяжёлой индустрии принесло им серьёзные убытки⁴. Однако их печальный пример не испугал Парижско-Нидерландский банк и Генеральное общество. Более того, они не ушли из промышленности России даже во время кризиса 1900–1903 г., хотя многим предприятиям, построенным на французские деньги, грозил крах. (Чтобы предотвратить его Парижско-Нидерландский банк и Генеральное общество способствовали объединению компаний с французским капиталом в синдикаты «Продуголь» и «Продамета»)⁵.

Стратегия Парижско-Нидерландского банка и Генерального общества разительно отличалась от российской политики французских Ротшильдов. Знаменитые парижские банкиры вкладывали деньги только в нефтяную промышленность, которая давала большую и быструю отдачу. Когда же их перестали устраивать финансовые перспективы их российского дела, то они его продали⁶.

Ясно, что, в отличие от Ротшильдов, Парижско-Нидерландским банком и «Генеральным обществом» двигало не желание получить наибольшую прибыль. Что же? Ответ напрашивается сам собой. Мы видим, что французские капиталы пошли в Россию после начала сближения между двумя державами, приведшего к образованию военного союза. Париж готовился к антигерманскому реваншу, который мог состояться только при участии Петербурга. Но для успеха в войне Россия должна была получить независимость от английского и немецкого угля и металла, создать мощную тяжёлую промышленность и разветвлённую сеть железных дорог для быстрой переброски войск к западной границе. На это и шли деньги французских банков, вероятно не без воздействия правительства Республики.

Разумеется, во французской политической элите не было полного единства, в том числе и по вопросу о сотрудничестве с Россией. То же можно сказать и о верхах делового сообщества Франции. Если в первой крупной конверсии государственных займов Российской империи, проведённой в 1888 – 1891 гг., участвовали обе главные финансовые группы Франции (Ротшильдов и Парижско-Нидерландского банка), то затем Ротшильды отказались от взаимодействия с Петербургом. Причиной стали как недружественные действия русских властей против нефтяного дела французских банкиров, так и антисемитская политика царского правительства в целом⁷.

Тем не менее, в декабре 1905 г., когда встал вопрос о размещении нового русского займа, премьер-министры России и Франции (С.Ю. Витте и Морис Рувье) просили Ротшильдов принять участие в этой выгодной финансовой операции. Однако знаменитые банкиры имели в Российской империи не только экономические, но и политические интересы. Они считали долгом использовать финансовые возможности семьи для помощи своим единоверцам⁸. Глава клана, Эдуард Ротшильд, поднял вопрос об издании законов, облегчающих положение евреев в России. Однако русское правительство не пошло на уступку в этом вопросе.

Тогда Рувье решил оказать помощь союзной России и без участия Ротшильдов, а только через финансовый консорциум во главе с Парижско-Нидерландским банком. За это Россия должна была поддержать Францию в её дипломатическом конфликте с Германией (из-за Марокко) на международной конференции в Алжесирасе. Заём предоставлялся в два приёма. По договору от 29 декабря 1905 г. Россия получала меньшую его часть (100 миллионов руб.). О предоставлении основной части займа России и Франции предстояло договориться после Алжесирасской конференции.

Переговоры русских и французских представителей начались сразу же после того, как благоприятное для Парижа соглашение в Алжесирасе было достигнуто (18 марта 1906 года). Речь шла о 5 % займе на сумму в более чем два миллиарда франков⁹. Эта сделка наносила серьёзный ущерб интересам Ротшильдов (как финансовым, так и политическим). Эдуарду Ротшильду необходимо было затруднить её реализацию. Ценную услугу в этом ему оказали конституционные демократы.

29 марта 1906 г. на заседании ЦК в Москве «по предложению некоторых членов партии» обсуждался вопрос «насколько закономерен и допустим

предстоящий внешний заём» до созыва Государственной думы и «не следует ли партии противодействовать его заключению»¹⁰. В итоге прений ЦК официально высказал своё отрицательное отношение к займу, но признал невозможным «делать какие-либо шаги от имени партии» для того, чтобы ему препятствовать. Тем не менее, в Париж для ведения пропагандистской кампании против займа отправился сам председатель ЦК князь Павел Долгоруков. Вместе с ним поехал член ЦК В.А. Маклаков.

Маклаков составил записку, в которой говорилось, что КДП «рассматривает внешний заем, проектируемый нашим правительством, как роковой для интересов России и опасный для интересов Франции»¹¹. Эта записка кадетские лидеры вручили президенту Фальеру, министру внутренних дел Клемансо и министру финансов Пуанкаре при личных встречах с ними. Однако сорвать или отложить заём не удалось. Франция была должна отблагодарить Россию за поддержку на Алжесирасской конференции. Клемансо заявил, что кадетская записка опоздала, т.к. постановление французского правительства о разрешении займа уже состоялось¹².

Поскольку парижская поездка Долгорукова и Маклакова вызвала неоднозначную оценку в России, петербургский отдел ЦК партии Народной Свободы заявил, что указанные члены партии действовали «как частные лица, под своей личной ответственностью»¹³. Но это не значило, что ЦК осудил действия своего председателя. На заседании ЦК 8–9 апреля 1906 г., когда обсуждался вопрос о выдвижении Павла Долгорукова в депутаты Государственной думы, было официально заявлено, что нападки на него «служат лишним аргументом» в пользу его кандидатуры¹⁴.

Развёрнутое обоснование позиции конституционных демократов по вопросу о займе во Франции 11 апреля 1906 г. дал член ЦК КДП А.И. Каминка в большой статье в партийном офицозе («Вестник партии Народной Свободы»). В ней было ещё раз сказано о негативном отношении партии к этой финансовой операции¹⁵.

Отметим, что А.И. Каминка входил в совет Азовско-Донского коммерческого банка. Членом совета этого кредитного учреждения являлся и представитель нефтяного концерна Ротшильдов С.Г. Поляк. Причём и Каминка и Поляк входили в число спонсоров партии Народной Свободы (а Каминка с апреля 1906 г. являлся и казначеем ЦК). Мы также знаем, что в 1906 – 1911 гг. конституционные демократы лоббировали интересы нефтяного концерна Ротшильдов. Кроме того, нам известно, что в начале 1907 г., когда ряд

французских банков (без участия Ротшильдов) захотели разместить на парижской бирже гарантированные царским правительством облигации русских железнодорожных компаний, кадетская «Речь» выступила в поддержку тех французских политических и финансовых кругов, которые полагали, что эта операция может быть разрешена только в случае одобрения её Государственной думой (т.е. пытались сорвать данный заём)¹⁶.

Все эти факты свидетельствуют о том, что партия Народной Свободы на протяжении ряда лет действовала в интересах парижских Ротшильдов. Что касается их конкурентов – Парижско-Нидерландского банка и его партнёров, то кадетская политика иногда могла наносить им ущерб. Мы уже видели, как это происходило в борьбе за рынок русских займов. Кроме того, кадетская пресса периодически помещала материалы враждебные детищу «Генерального общества» – Продуглю.

Отношение конституционных демократов к той части французского капитала, олицетворением которой являлись «Генеральное общество» и Парижско-Нидерландский банк хорошо просматривается в принципиально важной статье «К вопросу о политической роли русской буржуазии», напечатанной «Русскими ведомостями». Автор публикации (судя по инициалам, которыми она подписана, кадетский депутат IV Государственной думы М. Новиков) противопоставлял политические позиции лидеров тяжёлой и лёгкой промышленности. Если капитал, связанный с «нуждами широкого народного рынка», по мнению депутата-кадета, был настроен прогрессивно, то «представители отраслей промышленности, удовлетворяющих потребности государственного хозяйства» в его изображении выглядели воплощением реакции. (Они «пользуются благосклонной поддержкой власти», «нуждаются в содействии администрации для подавления рабочего движения», «опасаются торжества демократии», «заинтересованы в той политике, которая на первый план выдвигает великодержавные задачи, – возрождение флота, проведение стратегических железных дорог, увеличение армии»). В этих же отраслях, по Новикову, «наиболее значительное проникновение иностранных капиталов». Однако мы знаем, что в тяжёлую промышленность России шли преимущественно французские инвестиции. Поэтому именно к их носителям следует отнести следующую характеристику Новикова: «Иностранные капиталы не могут быть оппозиционной политической силой, они пользуются особой поддержкой власти, особыми льготами и привилегиями. Вместо борьбы с властью они прямо

превращают представителей бюрократии в своих оплачиваемых уполномоченных»¹⁷.

Инвестиции французских банков укрепляли самодержавный режим, помогали ему «искусственно» создавать тяжёлую промышленность. Это и предопределило настороженное отношение кадетов к этой части французского капитала.

¹ См.: Бовыкин В.И. Российская нефть и Ротшильды // Вопросы истории. 1978. № 4; Он же. Французский капитал в акционерных предприятиях России накануне Октября // История СССР. 1991. № 4; Он же. Французское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997; Он же. Французские банки в России. Конец XIX – начало XX в. М., 1999.

² Бовыкин В.И. Французское предпринимательство в России. С. 153.

³ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 215.

⁴ Бовыкин В.И. Французское предпринимательство в России. С. 156 – 168.

⁵ Бовыкин В.И. Французские банки в России. Конец XIX – начало XX в. М., 1999. С. 118 – 126.

⁶ Там же. С. 173 – 193.

⁷ Сенат не утвердил торги 1903 г. на аренду нефтеносных земель, среди победителей которых были Ротшильды. В 1904 г. по решению суда у Ротшильдов был изъят нефтеносный участок в 12 десятин, которым они незаконно пользовались с 1890 года (Стенографический отчёт. Государственная дума. Третий созыв, Сессия I. Часть 3. Заседание 61. Среда, 7 мая 1908 г. Б.м., б.г. Стб. 71). В 1903 г. был издан закон «О временном запрещении совершения от имени и в пользу евреев, в губерниях не входящих в черту общей еврейской оседлости, всякого рода крепостных актов» (т.е. сделок по недвижимости). Возмущение Ротшильдов вызвал погром в Кишинёве в 1903 году.

⁸ Лотман Герберт Р. Ротшильды – короли банкиров. Мн. Смоленск, 1997. С. 125 – 126.

⁹ Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897 – 1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 159 – 173.

¹⁰ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 тт. Т. 1. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905 – 1911 гг. М., 1994. С. 61.

¹¹ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 248.

¹² Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 179.

¹³ Вестник партии Народной Свободы: Еженедельник конституционно-демократической партии (далее – ВПНС). 1906. № 6. 11 апреля. С. 371.

¹⁴ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – 1911 гг. С. 67.

¹⁵ ВПНС. 1906. № 6. 11 апреля. С. 361 – 366.

¹⁶ Речь. 1907. 10 марта, 29 марта.

¹⁷ Русские ведомости. 1913. 10 ноября.